

Франческо Фиолетти

Творческий псевдоним Ильи Коноплева. Родился в 1978 году в Обнинске. Занимался театром, получил философское образование, приложил руку к созданию документальных фильмов и музыкальных фестивалей. Автор двух поэтических сборников. Сотрудник Регионального Объединенного Движения «Русская философия».

Я делаю слова вещами

* * *

тонкий мир переходит в плотный,
спазм любви переходит в рвотный,
было больно, теперь — щекотно,
это — разница амплитуд.

легион переходит в свору,
лесостепь переходит в гору,
диалог переходит в ссору,
а любимые — предают.

но нельзя понимать превратно
феномен, ведь эффект обратный
в нем возможен: тебе приятно?
так прими — и тебе дадут.

диалектика воспрятья:
удушающие объятья,
макияж и прозрачность платья
в ней свое основанье берут,

тонкий мир переходит в плотный,
взгляд впритык не вместит полотна,
мир вещей — сам в себе — пустотный,
а желание — тяжкий труд.

этот труд непременно ранит,
способ есть избежать страданий,
но страданья не для избеганий,
за страданьем сюда и прут.

из страданий возводят здания,
воды слез омывают камень,
боль стихи создает словами,
люди песни в стихах поют.

соль земли — говорит Новалис, —
люди умерли, пострадались,
боль прошла, а стихи — остались,
и в эфире теперь плывут.

* * *

откуда взялся жук? кто так его устроил?
кто панцирь выдумал хитиновый ему
и звук его жужжания настроил?
и крыльями обязан он кому?

что жук узнать о мире успевает?
какие видит сны? и видит ли он сны?
когда свои подкрылки расправляет,
он чувствует ли запахи весны?

его надкрылья названы элитры,
кутикул фантастический овал
придумал кто? и из какой палитры
он краску взял, когда их расписал?

пластинки усиков и лапок якоречки
кто ювелирно так расположил?
работе группы или одиночки
обязаны мы тем, что жук ожил?

что снабжена его грудина мехом,
что коготки изогнуты крючком,
что детвора гоняется со смехом
за ним, стремясь поймать его сачком?

он под землю зреет из личинки,
как наделенный сердцем корнеплод:
строение склеритов и подкрылков
кто так заботливо жуку воссоздает?

а может быть, неведомый создатель
сам стал жуком, чтобы прожить три дня,
и глаз фасетки как видеоискатель
через жука направить на меня?

* * *

ямб захворал и рифму уронил.
он побледнел, он заболел верлибром.
ты помнишь этот кегельбан над Тибром,
куда ты после смены заходил?

там наливали кьянти и в дыму
жестикულიровал пьянящий завсегда,тай,
и по негласным правилам всегда ты
шел поклониться именно ему.

и Замок Ангела, и круглый Колизей,
и прочие руины цивитате
наполнены движением когда-то,
сданы в архив, превращены в музей.

музей, греко-латинский кабинет:
гербарии, иконки, статуэтки,
прекрасно юной университетки
давным-давно подаренный портрет.

aere perennius: окислилась вся медь,
зеленая коррозия бессмертья
покрыла город и поймала в сеть
все изваянья, жаждущие смерти.

знакомы бюстов гордые черты,
мы здесь обречены перерождаться.
смотрел на памятник, подписанный — Гораций,
но пригляделся, друг мой, это ж ты.

недолговечна медь, она — металл,
век медный тоже, друг мой, быстротечен,
и статуи гексаметр не вечен,
когда разбит латыни пьедестал.

ты за рулем фиата очень мил,
утилитарность вкусу не помеха,
фиату свойственно изящество доспехов,
которые ты, впрочем, не любил.

сегодня рождество и валит снег,
и множество народа в кегельбане.
на рождество мы с другом ходим в баню
уже который год, который век.

* * *

я человек эпохи ренессанса,
попавший по ошибке в интерьер
неутомимой перестройки склада:
я собираю свой каркас карасса,
мне в сущности тут ничего не надо,
я друга потерял, вернись, Жан-Пьер!

Вернись, Жан-Пьер, — ведь мы еще в субботу
клялись послать налево всю работу
и дегустировать текилу и абсент,
ты сам нам заказал абонемент
и вышел — чтоб попробовать дорогу,
но угодил в желудок к носорогу,
вернись, немедленно вернись, Жан-Пьер!

вернись, Жан-Пьер, сутулый и лохматый,
небритый и с похмелья простоватый,
ты самый молчаливый из архатов,
пастух небесных грез, аэростатов,

предприниматель безотказных мер,
сердечного горения пример,
вернись, немедленно вернись, Жан-Пьер!

* * *

ее взгляд пробирает тебя насквозь,
но бежит он вскользь, по своей орбите,
лето, вроде, вчера только началось,
а глядишь вокруг — да оно в зените,

ты сидишь один, ты сжимаешь трость:
«я останусь тут, ну, а вы — живите».
когда люди пишут — то строят мост,
на латыни ли, на санскрите ль.

когда люди пишут, они орут,
запятые, тире, тире да точки:
мать-и-мачеха лбом пробивает грунт
чтобы что? чтобы — желтенькие цветочки...

* * *

на белой плоскости листа
я обнаруживаю яму,
а мускул языка упрямый
бросаю камешком с моста.

«бултых» — пошли круги по глади,
чернила разлились в тетради.
законы физики смещая,
я делаю слова вещами.